

О ТВОРЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МЕХАНИЗМА
ОБРАЗНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ВАРЬИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ КОНЦЕПТА)

Н.А. Илюхина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

Объектом рассмотрения являются креативные возможности метафоры как средства концептуализации, которые предопределены закономерностями когнитивной деятельности, основное внимание уделяется одной из сторон метафоры – варьированию ассоциативных связей концепта (образа).

Творческое начало заложено прежде всего в самом факте использования когнитивной метафоры для концептуализации действительности, особенно абстрактных сфер: времени (астрономического, исторического, биологического), эмоций, интеллекта, межличностных отношений и мн. др.

Поскольку это касается сфер, не данных человеку в чувственном восприятии, метафорический способ их осмысления (сквозь призму других, чувственно воспринимаемых денотатов) оставляет свободу для их субъективной интерпретации, а значит, и для творческого начала.

Кроме того, любая абстрактная сфера концептуализируется с использованием многих метафорических образов, и каждый из них представляет ее сущностные характеристики в своей логике. Приведу примеры использования разных метафорических концептов для интерпретации эмоциональной сферы человека: *мальчик вспыхнул от обиды, его преследовала тоска, его сжимала обида, гнев поглотил его, нахлынула обида, обида разрывала его изнутри, волнение сдавило горло, он взорвался от гнева, гнев пришил его, гордость встала в нем на дыбы* и др.

Однако сказанное дает лишь самое общее представление о проявлениях творческого начала в картине концептуализации знаний. Чтобы полнее оценить исходный потенциал метафоры, следует обратиться к ментальному уровню, на котором заложены важные параметры, обеспечивающие творческую реализацию языкового потенциала. Я имею в виду закономерности функцио-

нирования в речемыслительной деятельности концепта как ментальной единицы – единицы структурированного знания, «способа квантования когнитивного пространства» (А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов). Речемыслительная деятельность на ментальном уровне представляет собой манипулирование концептами, в том числе в их проекции на язык, когда концепт воплощается разными лексическими средствами, именующими концепт.

Эти закономерности можно наблюдать на примере одного концепта, который регулярно воспроизводится в качестве средства метафорической концептуализации. Его функционирование в речи определяется механизмом варьирования; варьирование во многом предопределяет творческое начало в концептуализации объекта.

В качестве метафорического средства используем концепт (образ) «конь-лошадь», а в качестве сферы, которую он концептуализирует, – сферу человека, в том числе внутреннего человека.

Приведу примеры употребления концепта в качестве метафоры: *Седою **зривой** машет море...* (Гумилев); *Вьюга **лошадью** пляшет буланой* (Пастернак); *Железный **конь** еще пашет, но уже не кормит* (Комс.правда); *Снова Время **ставит ногу в стремя**...* (Егоров); *Счастье не **лошадь**: его не **запряжешь*** (Пословица); *...И Горбачев вопреки сопротивлению партаппарата решил **отпустить вожжи** <...>, **выпустить пар*** (Ковельман); *Мы дружно **заржали**...* (Поляков); *Одно дело невеста, другое – жена... И сам **надорвешься** в работе, и ее **заездишь**...* (Горький); *Были когда-то и мы **рысаками**...* (Апухтин); *Как у побежденного **коня**, Мой каждый шаг медлителен, **стреножен*** (Ахмадулина); *Сзади всех, прихрамывая, диковинной танцующей **иноходью** трусил Христоня* (Шолохов); *А работа... Я привык, я – **рабочая лошадь*** (Рязанов); *Таганка, МХАТ **идут в одной упряжке**, И общая **телега** – тяжела* (Высоцкий); *...я не в состоянии **вывезти на себе** подготовку этого юбилея, **объединить** всех* (Лихачев); *В период перехода от планового хозяйства к рыночному... государство будет **держат** в своих руках **поводья** приватизации, цен...* (Комс.правда); *... [языкознание] еще не освободилось от **шор** лингвистического нормативизма...* (Григорьев); *Меня всегда использовали, **ездили** на мне **верхом**...* (Комс.правда); *Он ушел от опасности брачного **хомута**, но зато ничего не **выиграл*** (Боборыкин).

Концепт «конь-лошадь» в современной действительности – это, по сути дела, ушедшая натура. Тем не менее в культуре, в языке он широко представлен и до сих пор используется в качестве метафоры. Между тем даже в текстах XIX в., где он был гораздо более частотен, он не относился к числу ключевых метафор для характеристики сферы человека.

Любой концепт в процессе воспроизведения в речи подвергается варьированию, которое представлено тремя разновидностями: лексическим варьированием, семантическим варьированием и варьированием его ассоциативных связей. Лексическое и во многом семантическое варьирование происходит при использовании широкого круга лексических средств, воплощающих в речи любой концепт. В данном случае лексическое и семантическое варьирование в общем виде можно представить как

– воплощение образа в его разновидностях: образы жеребенка и старого коня, образы жеребца и мерина, образы дикого скакуна, осёдланного коня и запряженной лошади, жеребца и кобылицы, иноходца и тяжеловоза и т.д.,

– воплощение отдельно взятого концепта (собственно конь) и в его ситуативных связях: конь и всадник, конь, всадник и пассажир, конь и хомут, конь и узда, конь и шоры, конь и путы и т.д.

Варьирование ассоциативных связей концепта выражается в том, что он воспроизводится в связи с разными ассоциатами: *конь – человек, конь – гнев, конь – ветер, конь – время, конь – автомобиль* и т.д. Итак, варьирование ассоциативных связей концепта проявляется в его использовании для характеристики или концептуализации разных объектов.

Замечу, что ассоциативная связь (под названиями *образная параллель, образный мотив*) широко используется как единица описания поэтических метафор в работах по лингвопоэтике по отношению к образной системе произведения, идиостиля, поэтического языка в целом. Некоторыми учеными она признавалась единицей художественного мышления и потому получила описание прежде всего в лингвопоэтике: в работах Н.А. Кожевниковой, З.Ю. Петровой, Н.В. Павлович, Е.А. Некрасовой, М.А. Бакиной и других (см. подробнее в [Илюхина: 226-251]).

В когнитивной науке устойчивые ассоциативные связи (параллели) признаны единицами речемыслительной деятельности.

Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что они определяют как универсальные, так и национально-культурные особенности мышления, понятийной системы, восприятия действительности [Лакофф, Джонсон: 389-390], выполняют регулятивную функцию по отношению к человеческому поведению.

Обратимся к варьированию ассоциативных связей образа коня как одному из аспектов общей картины его варьирования в процессе функционирования. Богатый семантический потенциал концепта предопределил его ассоциации с объектами из разных сфер действительности, в том числе абстрактных сфер. Среди выражений, фиксирующих ассоциативные связи концепта, можно противопоставить регулярные и редкие («разовые»); общеязыковые и поэтические; живые метафоры и стертые (сохраняющие и утратившие семантическую двуплановость).

Перечень ассоциатов коня представляет собой открытый ряд. Большой регулярностью среди них отличаются человек, народ, организация, государство, революция, время, наука, история, жизнь, эмоции, интеллект, природа, звезды, месяц, волны, река, океан, ветер, метель, облака, тучи, автомобиль, велосипед, поезд, самолет, трактор, животные, птицы, насекомые.

Вместе с тем при сужении исследовательского взгляда до отдельно взятой сферы, которая регулярно осмысливается сквозь призму данного концепта, обнаруживается не менее богатая картина варьирования его ассоциативных связей. Обратимся к центральному ассоциату образа коня – сфере человека.

Метафора коня соотносится с человеком по линии практически всех входящих в его семантическую структуру смыслов, это позволяет ей характеризовать человека с точки зрения внешности (фигуры, размеров, осанки, позы, черт лица и др.), походки, скорости ходьбы и бега, физических качеств и состояний (силы, выносливости, здоровья, усталости), темперамента, сексуальных качеств, силы голоса, смеха, возраста, психологического склада, интеллекта, эмоций, поведения, опыта, отношения к моральным нормам, власти и социальным институтам, с точки зрения межличностных отношений, выполнения работы, повседневных обязанностей, условий жизни и т.д.

Если сузить фокус наблюдений далее и обратить внимание лишь на одну сторону человека, открывается новый ракурс карти-

ны варьирования ассоциативных связей образа. Наиболее богатой оказывается картина функционирования образа коня при концептуализации внутреннего состояния – одной из важных сторон человека. Тенденция к варьированию ассоциативных связей образа в этом случае выражает себя в образовании большого числа частных ассоциаций, которые включают различные психические и психофизические проявления человека: гнев, мысль, темперамент, желание, страсть, радость, восторг, жестокость, алчность, самодурство, любовь, гордость, самолюбие и многие подобные, которые выступают как самостоятельные сущности. В итоге базовая ассоциация *конь – человек* заменяется многочисленными частными ассоциативными связями *конь – гнев*, *конь – мысль*, *конь – темперамент* и т.д. Частные ассоциативные связи запечатлены в выражениях типа ***необузданный нрав, обуздать фантазию, мысль наша в шорах, осадить свои тайные думы.***

Картину варьирования ассоциативных связей концепта в составе обеих моделей (*конь – человек* и *конь – элемент психофизиологии человека*) обогащает и усложняет варьирование самого метафорического концепта, состава его компонентов. Этот концепт (метафорический образ коня) может воплощаться в виде вариантов, представляющих его в разных типовых ситуациях: конь и всадник; конь, возница и пассажир; конь и воз; конь и вожжи; конь и кнут; конь и шоры и т.д. В этих условиях возникает возможность на основе даже одной ассоциации образа (*конь – человек* или *конь – мысль*) многообразно варьировать ассоциативные связи других компонентов типовой ситуации (всадника, узды и др.) и тем самым по-разному структурировать осмысляемую сферу, актуализировать разные смыслы. Представленная картина позволяет представить общий диапазон ассоциативных связей концепта и диапазон смыслов, которые при этом выражаются.

Отмечу попутно, что любая регулярная ассоциативная связь показывает варьирование в других отношениях – выражается

- в разном лексическом воплощении,
- в варьировании способов ее фиксации (метафора, сравнение),
- в ее семантической иррадиации – в варьировании «основания сравнения»,
- в «обращении», т.е. в варьировании взаимных функций ассоциатов (*конь – человек* и *человек – конь*),

– в контаминации нескольких ассоциаций в пределах одного текста.

При воплощении концепта в составе основной ассоциативной связи *конь – человек* денотативная сфера человека *не структурируется*: в качестве ассоциата коня выступает человек в аспекте его поведения, функций, отношений, самых разных качеств, состояний, ощущений, т.е. наиболее многообразно. Приведу несколько примеров:

«здоровый, полный сил» или «усталый, обессиленный»: *Застоялись жеребчики в камуфляже, сыто бьют копытом. Вот пусть и проверят силы* (Комс. правда); *Боль в сердце становилась все горячее. <...> Он сошел с крыльца, испуганно прижимая к левой стороне груди ладонь, подумал: "Видно, укатали сивку крутые горки..."* (Шолохов);

«ощущающий тяжесть, тяготы»: *Не то ли вам рассказывать, Что дважды погорели мы, Что бог сибирской язвою Нас трижды посетил? Путьги лошадиные Несли мы: погуляла я, Как мерин в бороне!..* (Некрасов);

«испытывающий раздражение»: – *Нонночка очень ревнивая. <...> ... когда попадет шлея под хвост, у-у-у, держись!* (Сошальский);

«бесчувственный»: *Сколько раз переходил я от раздражительности ребенка к тупой бесчувственности лошади, которая уже и хвостом не дрыгает, когда ее сечет кнут...* (Тургенев);

«нетерпеливый», «своенравный» или «медлительный»: *Натура Горького была волжской, не терпящей узды, влюбленной в простор* (Павленко); *Горячий он у нас – как необъезженный конь* (Шолохов); *Белов, тот без оглядки будет рваться вперед, он много не понимает. А Карпова придется подгонять, тяжелоюз, медлитель* (Гроссман);

«терпеливый, покорный»: *...На лице сохранилось целостным прежнее выражение покорной замордованной лошади* (Шолохов);

«привыкший к выполнению работы»: *Но я привык работать, тащить воз, а не бороться* (Комс. правда);

«равнодушный к работе»: *Он тянул все эти устои, как лошадь воз, хотя и без понукания, но и без всякой охоты* (Астафьев);

«тяготящийся несвободой»: *<...> в последние годы, когда театр уже не в такой мере держит меня за возжси, я получила*

относительную свободу и смогла сделать поэтические программы (Фрейндлих);

«испытывающий общее настроение»: *Он оглянулся, увидел за собой более сотни <...> бойцов и почувствовал себя уверенней, сильнее. В бою всегда сильно владело им, как и каждым, **табуное** чувство* (Шолохов);

«ограниченный в восприятии»: [об интеллигентах] *...Пожелтевшие листки сохранили приметы их жертвенности, наивных понятий о войне, психологической **зашиоренности*** (Комс. правда).

Итак, концепт «конь-лошадь» в составе основной ассоциации *конь – человек* за счет семантического и лексического варьирования позволяет разносторонне интерпретировать человека (в примерах – психологическую сферу).

В составе частной ассоциации *конь – элемент психики человека* концепт участвует в *структурировании* сферы человека – экстерииоризации ее отдельных феноменов (эмоций, мыслей, ощущений и т.д.). Н.Д. Арутюнова пишет: «...Говоря о психике, мы ... склонны экстерииоризировать ее составляющие – чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но и как нечто вступающее с нашим «я» в определенные дружеские или враждебные отношения...» [Арутюнова 1976: 94].

Любая из этих сущностей ассоциативно характеризуется метафорой коня, например: *Мои мысли, мои скакуны, Вас приипоривать нету нужды. Вы аллюром несетесь и не признаете узды* (Газманов); *Чувство дикой, необузданной радости поднялось в нем* (Полевой); *Кое-кому все, что можно прочесть по глазам, удастся скрывать «обузданием нервов»* (Песков); *Стоило на минуту снять узду с услужливой памяти, и перед глазами его вставала живая, улыбающаяся Наталья* (Шолохов); *...Гордость <...> встала в ней на дыбы* (Шолохов). *Расширьте свое восприятие* (Радио); *...Желаний темных табуны...* (Вяч.Иванов); *...им, изуродованным и выбитым из строя, по-прежнему властно правит разнузданный и дикий инстинкт – «мне все можно»* (Шолохов).

В составе частных ассоциативных связей концепт коня воплощает различные смыслы, при этом наиболее часто актуализируются образ *неуправляемого коня, свободного от упряжи и от власти человека* либо образ *оседланного или запряженного коня* в его отношениях с всадником, седоком или упряжью. Самыми частотными в этом случае являются два смысла: «стихийный, свободный, неуправляемый» и «несвободный, управляемый».

Таким образом, широкое варьирование ассоциативных связей концепта (варьирование частных ассоциатов сферы человека) даже при воплощении одного-двух смыслов может компенсировать их узкий диапазон и обеспечить концептуализацию самых разных сторон психики.

Семантический комплекс «стихийное (иррациональное) начало», наиболее часто воплощаемый образом коня в обоих названных его разновидностях, органичен для интерпретации сильных эмоций, интеллектуальных интенций, морально-психологических качеств, физиологических потребностей и других. В ассоциативные связи с образом коня вступают компоненты психики: организм, чувство, желание, любовь, страсть, радость, восторг, гнев, фантазия, воображение, ум, гений, мысль, память, эгоизм, лень, жестокость, алчность, самодурство, гордость, самолюбие, гордыня, совесть, характер, нрав, плоть, натура, темперамент, голод, нервы, инстинкт и др. Стереотипным средством в этом случае выступает слово *необузданный*: *...Такое мог совершить любой смертный. Но придумать - только человек творческий, с необузданным полетом мысли* (Волж. коммуна); *Эти необузданные желания порой приводили в отчаяние всю усадьбу* (Чехов); *Ни дипломатический круг, ни монашеский не могли укротить необузданный характер его* (Герцен); *Боже милостивый, сколько непоправимых ошибок совершает человек, когда на него накатывает помутнение разума! И все из-за этой необузданной гордыни...* (Пожера).

Возможности концепта, который воплощается в частной ассоциативной связи *конь* – компонент психики, возрастают при использовании приема «раздвоения личности», когда человек предстает в фокусе соотношения разных его сторон: *...Обуздать мысль труднее, чем всякую страсть, она влечет невольно...* (Герцен): сопоставлены человек с его волевым началом и мысль.

В этом случае образ коня обычно воплощается в аспекте отношений с человеком и упряжью – в *образе запряженного* или *оседланного коня*.

Прием «раздвоения личности» репрезентирует внутреннее состояние через отношения экстерииоризованного психического компонента с другим компонентом (например, плоть и дух) или с человеком – его носителем (например, человек и его чувство). Ср. буквальную экспликацию того и другого типа отношений: *Кто-то умный сказал, что **плоть** – это **конь**. А **дух** – это **всадник**. И если слушать одного коня, он завезет в хлев. Слушать надо всадника* (Токарева); *...Тот только заслуживает название человека, **кто** умеет овладеть своим **самолюбием**, как **всадник конем**...* (Тургенев).

Образ запряжённого или оседланного коня концептуализирует человека с точки зрения соотношения *стихийного, иррационального, инстинктивного начала* и, с другой стороны, *рационально-волевого, управляющего начала*. Конь в этом случае чаще всего соотносится со стихийным началом. Рационально-волевое начало, ассоциирующееся с седоком (всадником) или упряжью, выступает в роли управляющего фактора – в одних случаях сдерживающего, в других, напротив, побуждающего к активности. Среди лексических средств воплощения образа преобладают глаголы *обуздать, прищипорить, понукать, осадить, стреножить, оседлать, хлестать, подстегивать*, сочетания *надеть узду, держать в узде, снять узду, поднять на дыбы, встать на дыбы*, которые именуют коня в его типовых ситуативных связях: *Человек, независимо от его желания, был вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог **обуздать** своей поэтической **фантазии*** (Кассирер); *Не давай **мыслям** воли, **взнуздывай их*** (Шолохов); *Хоть есть охотники поподличать везде, / Да нынче смех страшит и **держит стыд в узде**...* (Грибоедов); – *Не пропадем! – резко сказал **Степан**, будто **осадил тайные свои, тревожные думы*** (Шукшин); ***Мысль** наша до сих пор **в шорах**. И стать свободомыслящим человеком непросто* (Комс. правда); *Навзрыд или смеясь, / но я люблю сейчас, / А в прошлом – не хочу, / а в будущем – не знаю, / В прошедшем "**я любил**" – / печальнее могил, / **Всё нежное** во мне **бескрылит и стреножит**...* (Высоцкий) – *Степан почувствовал близость <...> страшного гнева, **сам осадил себя!***

(Шукшин); *Разумеется, он не напрасно ругал и шпорил себя и других* (Леонов); ... *Боясь надоесть и сказать несообразность, я обуздываю себя и умолкаю* (Чехов – Григоровичу); ...*Все время сижу в четырех стенах, понукаю себя к работе...* (Чехов – Леонтьеву); *Он нахлестывал себя нещадно...* (Комс. правда).

Примеры показывают, что каждый компонент концепта (конь, всадник, элементы упряжи) широко варьирует свои ассоциативные связи – соотносится с разными компонентами сферы человека. Особенно интересны с этой точки зрения высказывания, в которых один и тот же компонент психики вступает в ассоциативные связи с носителями противоположных смыслов – в одних случаях с конем, а в других с человеком или упряжью. Ср.:

...*Пагубное пьянство... отнимая у него ум, снимало узду с его страстей* (Аксаков); *Тело [у Оуэна] отжило, ум туск и иногда бродил, разнуздавшись, по мистическим областям призраков и теней* (Герцен): ум – узда и ум – конь;

Память старого актера - уезженная кляча. Какой тяжело-весной прозы, каких пудовых стихов не перевозила она в своей ежедневной работе! (Каратыгин); *Память, ты рукою великаниши Жизнь ведешь, как под уздцы коня, Ты расскажешь мне о тех, что раньше В этом теле жили до меня* (Гумилев): память – конь и память – человек.

Варьирование ассоциативных связей одного психического феномена (самолюбия, или гнева, или желания) с разными компонентами метафорического концепта (с конём, или всадником, или уздой) даже при актуализации небольшого числа смыслов позволяет высветить разные стороны психической жизни, соотношение разных элементов психики, их роль в поведении человека. Более того, варьирование ассоциативных связей одного элемента психики позволяет концептуализировать разные аспекты этого элемента. Обратим внимание на то, как в приведенных выше примерах интерпретируется ум: в первом высказывании – как рационально-волевое начало (ум = человек, управляющий конем), а во втором – как произвольный интеллектуальный процесс (ум = конь).

В завершение разговора о варьировании ассоциативных связей концепта обращу внимание еще на одну сторону общей картины варьирования ассоциативных связей – на случаи комбинации нескольких ассоциаций. Этот прием используется прежде всего

в поэтических текстах – как средство индивидуальной концептуализации объекта.

Выше говорилось, что концепт может воплощаться в своих многочисленных вариантах – скакун, кляча, тяжеловоз, иноходец, жеребенок и мн. др. В стихотворении В. Высоцкого наблюдается более редкий вариант – конь, пытающийся преодолеть барьер в скачке, не взявший барьера, рухнувший с высоты, ломающий шею. Метафора представляет индивидуально-авторскую концептуализацию жизни, судьбы человека.

*Штормит весь вечер, и пока
Заплаты пенные латают
Разорванные швы песка -
Я наблюдаю свысока,
Как **волны головы ломают.***

*И я сочувствую слегка
Погибшим - но издалека.*

*Я слышу хрип и смертный стон,
И ярость, что не уцелели, -
Еще бы - взять такой разгон,
Набраться сил, пробить заслон -
И **голову сломать** у цели!..*

*И я сочувствую слегка
Погибшим, но издалека.*

*А ветер снова в гребни бьет
И **гривы** пенные ерошит.
Волна **барьера не возьмет**, -*

*Ей кто-то **ноги подсечет** -
И **рухнет взмыленная лошадь.***

*И посочувствую слегка
Погибшей ей, - издалека.*

*Придет и мой черед вослед:
Мне дуют в спину, гонят к краю.
В душе - предчувствие, как бред, -
Что надломлю себе хребет -
И тоже **голову сломаю.***

*Мне посочувствую слегка -
Погибшему, - издалека.*

*Так многие сидят в веках
На берегах - и наблюдают
Внимательно и зорко, как
Другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.*

*Они сочувствуют слегка
Погибшим - но издалека.*

В приведённом тексте переплетаются три ассоциативные связи: *кони – волны, кони – люди и волны – люди*, которые в итоге выступают средством поэтической концептуализации драматической судьбы человека.

Первая ассоциация *кони – волны* возникает при созерцании накатывающихся волн с пенистыми гребнями, напоминающих бегущих коней с развевающимися гривами, взмывающих вверх в стремлении преодолеть барьер и падающих. Далее конкретизи-

рованный образ (... *барьера не возьмет, – Ей кто-то ноги подсечет – И рухнет взмыленная лошадь*) становится элементом еще более регулярной ассоциативной связи *конь – человек*. Наконец в последней строфе сентенция о драматичности человеческой жизни выражается посредством более эмоционально нейтральной ассоциации *волны – люди*. В итоге концепт коня служит концептуализации двух сферах – волн и человека, и с другой стороны, сфера человека получает двойную концептуализацию – посредством образа коня и образа волн.

Таким образом, принципы воспроизведения любого концепта в речи во многом предопределены на когнитивном уровне. Наиболее ярким их проявлением выглядит варьирование концепта в нескольких его разновидностях.

Механизм варьирования ассоциативных связей концепта сам по себе производит впечатление творческого акта, а его взаимодействие с лексическим и семантическим варьированием концепта предоставляет неограниченные возможности для его творческого использования в процессе концептуализации действительности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации [Электронный ресурс]: монография / Н.А. Илюхина. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Выпуск 1: «Птицы». М.: Языки русской культуры, 2000.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Выпуск 2: «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М.: Языки русской культуры, 2010.

Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1982.

Павлович Н.В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004.